

Козлянинова Ж. П.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЭПИТЕТА В ПОЭЗИИ ДЖОНА КИТСА

В статье проанализированы особенности употребления эпитетов в поэтическом тексте Джона Китса. Полученные данные методом сплошной выборки способствуют углублению знаний о характеристиках и особенностях, определяющих категорию прилагательных с функциональным статусом эпитета. Автор употребляет различные структурные модели эпитетов (включая те, что считаются редкими, но очень выразительными в языке художественной литературы, например, модель, в которой эпитет выражен прилагательным в постпозиции), которые раскрывают особенности его восприятия действительности.

Ключевые слова: эпитет, классификация, модель, природа, миф, романтизм, поэзия, Джон Китс.

Постановка проблемы. Важным объектом исследований лингвостилистики является эпитет, один из древнейших и эффективнейших стилистических приёмов. Эпитет привносит индивидуальную оценку автором описываемого предмета, его отношение к нему, эмоции, испытываемые автором в связи с ним. Употребляя тот или иной эпитет, автор выбирает из многих признаков, присущих предмету или явлению тот, что представляется ему наиболее существенным, выдвигает его на первый план, привлекая к нему внимание читателя и отражая в самом выборе того или иного признака свое субъективное отношение к предмету. Эпитеты являются свидетельством значительных возможностей языка в сочетаемости слов и одним из проявлений богатства лексического языкового фонда.

Анализ исследований и публикаций. Эпитет издавна привлекал к себе внимание со стороны лингвостилистов. Несмотря на то, что термин «эпитет» является одним из самых древних терминов стилистики, единства в его определении нет. Противоречивые положения связаны с проблемой ограничения эпитета от «логического определения» и проблемой принадлежности эпитета к системе тропов. Особую проблему составляет классификация эпитетов. Весомым вкладом в развитие теории эпитета являются труды И. В. Арнольд, И. Р. Гальперина, А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, С. М. Мезенина, Л. А. Турсуновой, А. П. Квятковского и других.

Цель работы – исследование функции и роли эпитета в поэтическом тексте Джона Китса.

Изложение основного материала. Эпитет (Gr. epitheton – “addition”) привлекает к себе всё

большее внимание со стороны лингвостилистов. «Несмотря на то, что термин эпитет является одним из самых древних терминов стилистики, а может быть именно поэтому, – пишет И. В. Арнольд, – единства в его определении нет» [1]. Отсутствие единства, противоречивость в определении эпитета отмечается многими авторами. Противоречивые положения связаны с проблемой ограничения эпитета от «логического определения» и проблемой принадлежности эпитета к системе тропов. Особую проблему составляет классификация эпитетов. Авторы, обращающиеся к проблеме грамматического выражения эпитета, иногда исходят из этимологии термина, в результате чего эпитет трактуется узко: «Эпитет – это всегда метафорическое прилагательное, в котором заключен меткий признак сравнения. Само происхождение слова говорит о том, что эпитет как часть речи – это прилагательное» [9, с. 359]. Встречается и ещё более узкое понимание грамматического статуса эпитета – как «прилагательного, тесно связанного с существительным и образующего с ним одну группу» [12, с. 346]. Другие авторы, признавая за эпитетом способность выражаться различными частями речи, а также сочетаниями слов и придаточными предложениями, сводят его функцию к «определению имени существительного» [22, с. 238].

С. М. Мезенин в книге «Образные средства языка» пишет, что «фактически эпитет отождествляется с художественным определением и в практических разборах. Рассматривая вопрос об отнесении художественного определения к эпитетам, необходимо учитывать наличие/отсутствие

образного смысла в его семантической структуре. Выделение тропеического характера в качестве дифференциального признака для оппозиции эпитет-необразное определяет квалификацию эпитета как один из тропов, то есть определяет его место в системе образных средств языка» [13, с. 19]. По этому вопросу есть различные мнения. Их можно свести к трём основным направлениям:

эпитет является тропом, «самым распространенным видом тропа» [20, с. 180];

эпитет относится к тропам частично, отчасти;

эпитет не является тропом: «слова поэтический троп являются субъективным оценочным элементом и неправильно отделяют эпитет от определения» [16, с. 142].

Большинство традиционных классификаций берут за основу содержание эпитета, то есть построены по семантическому принципу. А. Н. Веселовский делит все эпитеты на 2 группы: тавтологические и пояснительные, с дальнейшим подразделением пояснительных эпитетов на ряд подгрупп, из которых выделяются синкретический (или синэстетический) эпитет и эпитет-метафора [4, с. 59–61]. В. М. Жирмунский, отталкиваясь от терминов, введённых учёными античности, – *epitheton ornans* и *epitheton necessarium* – предложил оставить термин «эпитет» за постоянными эпитетами, характерными для фольклора, эпитетами украшающими, выделяющими «типовый, идеальный признак предмета, не внося ничего нового в содержание определяемого понятия» [7, с. 360]. Для остальных эпитетов В. М. Жирмунский предлагает термин «поэтические» или «индивидуальные определения». И. Д. Гальперин делит эпитеты на языковые (постоянные) и речевые (индивидуальные) [21, с. 154].

Эпитет привносит индивидуальную оценку автором описываемого предмета, его отношение к нему, эмоции, испытываемые автором в связи с ним. С. М. Мезенин даёт такое определение эпитету в книге «Образные средства языка»: «эпитет – это форма образного отражения, образное средство языка, основанное на переносном употреблении любой языковой единицы, обозначающей качество (свойство) предмета или действия» [13, с. 34]. Наиболее чёткой, на наш взгляд, является классификация эпитетов, предложенная И. Р. Гальпериным в книге «Stylistics» [21]. Классификация основана на трех принципах:

1) по морфолого-синтаксическому выражению классификация выявляет ряд структурных моделей эпитета;

2) по семантическому принципу эпитеты делятся на ассоциированные (*associated*) и неассоциированные (*unassociated*), то есть такие, которые указывают на черту, внутренне присущую определяемому предмету, и такие, которые добавляются к характеристике предмета черты неожиданные, внутренне ему не присущие;

3) по принципу закреплённости – незакреплённости эпитеты делятся на языковые (*language*) и речевые (*speech*).

Вслед за И. Р. Гальпериным Л. А. Турсунова в статье «К проблеме классификации эпитетов» [18] строит классификацию по трём принципам: 1) по степени устойчивости связи между определением и определяемым в группе эпитета; 2) по структурно-синтаксическому принципу; 3) по семантическому принципу.

По степени устойчивости связи между определением и определяемым выделяется 3 группы эпитетов: оригинальные, привычные и постоянные. К оригинальным относятся эпитеты, редко употребляемые в сочетании с данным определяемым словом (в лучшем случае – один раз, у данного автора). В проанализированном материале¹ были найдены следующие примеры: *one-thoughted, never-wandering, fragrant-curtained (about love); high-sorrowful (heart); sapphire-regioned (stars); dark-clustered (tree)*.

Степень устойчивости связи компонентов высока в группе привычных эпитетов. Такой эпитет употребляется в сочетании с данным определяемым словом и становится привычным для говорящих на данном языке. Подобные группы эпитет-определяемое фактически граничат с фразами – синтагмами, клише. Язык располагает определенным запасом таких устойчивых словосочетаний, автор берет их из этого запаса в готовом виде. Появление в тексте такого эпитета готовит читателя к возможному появлению вслед за ним привычного определяемого. Степень предсказуемости высока, но не настолько, чтобы обеспечить безошибочное угадывание второго компонента словосочетания. Здесь нет однозначного соответствия: одному определяемому могут принадлежать несколько определений, состоящих с ним в отношениях одинаковой степени устойчивости. Приведу примеры этой группы эпитетов из проанализированного материала: *eyes – awakened, peerless, wild, inspired, willing, wandering, ravished, aching, vassal, morning's, country's; pain – mortal, pleasant, sweet;*

¹ «The selected Poetry of Keats». /ed. by Paul de Man. – USA (2 poems («Endymion», «Hyperion»), 1 epistle, 35 sonnets, 7 odes, 7 poems).

spirit – *great, immortal, weak*; *love* – *merciful, warm, fluttering, unreflecting, guileless, unmasked*; *heart* – *human, light, cloyed, genius-loving*; *lips* – *starved, mortal*; *noise* – *gentle, sweet*; *thought* – *shadowy, blind, calmest*.

С другой стороны, один эпитет может сочетаться с несколькими определяемыми, с которыми он состоит в отношениях одинаковой степени устойчивости. Вот примеры из проанализированного материала: *sweet* – *pleasure, wine, unrest, noise, sonnet, hairs, birds, moan, converse, kernel, enforcement, incense, home, pain, tears, relish, goblet, voice, lips, music*; *immortal*

– *bird, spirit, stamp*; *mortal* – *lips, days, pain, body, speech*; *warm* – *breath, love, pulse, breast*; *soft* – *mask, humanity, amaze, treble, embalmer, hand*; *great* – *shadow, spirit, nature, soul, lakes, feeling, bell, throes*; *gentle* – *luxury, noise, empire, tale*; *wild* – *ecstasy, honey, surmise, eyes, uproar, bee*.

Третья группа объединяет эпитеты, отличающиеся высокой степенью устойчивости связи с определяемыми ими словами. Частое употребление в разных контекстах в сочетании с одними и теми же словами делает степень предсказуемости таких эпитетов очень высокой. Такие эпитеты типичны для фольклора. Например: *true love, dark forest, green wood, good sheep, etc.*

Характерны они и для поэзии классического стиля, в которой существовал «известный круг традиционных, канонизированных определений, условно выделяющих типический идеальный признак предмета» [7, с. 358]. В. М. Жирмунский пишет: «у английских поэтов XVIII века (Поп и его школа) – это так называемое *stock diction*, то есть готовые фразеологические клише, освещенные литературной традицией, например: *floating clouds, lucid stream, flowery vale, umbrageous grots, shady grove, dusky hill, purling rill, smiling fields* и т. п.» [7, с. 358–359].

Классификация *по структурно-синтаксическому принципу* подходит к описанию эпитетов с двух точек зрения: с точки зрения их композиционной структуры и с точки зрения их дистрибуции в предложении. Анализ композиционной структуры эпитетов позволяет выделить ряд структурных моделей эпитета, характерных для языка английской художественной литературы. Наиболее частотной (подтверждение этого – проанализированный материал) является модель, в которой эпитет выражен прилагательным в препозиции.

Модель I. *A + N²* (адъективный компонент может быть выражен простым прилагатель-

ным): *cold beauty, flowery tale, light heart, warm pulse, etc.*

Широкие возможности для выражения субъективного авторского видения мира в образах синтетических и в то же время расчлененных представляют эпитеты, выраженные сложными и сложнопроизводными прилагательными: *soft-conched ear, half-discovered wings, droop-haded flowers, short-lived summer, high-sorrowful heart, tender-taken breath, drear-nighted December, gloom-pleased eyes, soft-lifted hair, fragrant-curtained love, priest-like task, genius-loving heart, warm-hearted Shakespeare, Phabe's sapphire-regioned star, godlike hardship, fog-born elf*.

Адъективный компонент данной модели может быть выражен также прилагательными в степенях сравнения: реже – в сравнительной, чаще – в превосходной: *A comp. + N*:

1) *softer* breast («*The day is gone, and all its sweets are gone! // Sweet voice, sweet lips, soft hand, and softer breast*»); б) *more dreadful* cares;

2) the *very smallest* shell, the *highest* bliss of humankind, the *most hateful* land, *earnest* grasping, *mid-May's eldest* child (about *rose*), a *most dizzy* pain, the *calmest* thoughts.

Распространенной является модель, где эпитет выражен причастием: Модель II. *Participle + N*:

1) причастие настоящего времени: *Participle I + N*. Например: *dreaming* nights, the fond *believing* lyre, *fluttering* love, the *winnowing* wind, *deceiving* elf, *cooling* trees, *hymning* angel.

2) причастие прошедшего времени: *Participle II + N*. Например: the *curved* moon's triumphal arch, the *haunted* forest boughs, *laureled* spirits, *accomplished* shape, *wretched* thrall, *particolored* things, *wrecked* life, *wrecked* friends, *wretched* home, *celled* sleep, *twined* flowers;

3) причастие прошедшего времени с отделенным предлогом: *Participle II prep. + N*. Например: *heaped-up* flowers. («Give me a golden pen, and let me lean // On *headed-up* flowers, in regions clear, and far»).

В роли эпитета может выступать также существительное, употребляемое в функции определения:

1) нарицательное существительное:

а) в общем падеже. Мод. III. *N + N*. Например: *the pastoral eglantine, the heart aches, that melancholy storm, the snow clouds, the dragon world, violet beds*;

б) в притяжательном падеже: *N's + N*. Например: *earth's human shores, the morning's eye, the plowboy's heavy shoon, the night's starred face, an angel's tear, the sermon's horrid sound, river's crystal swell, the dance's dangerous wreath*;

² В дальнейшем примеры будут приводиться только из проанализированного материала.

в) существительное в of-phrase: N + of + N attr.
Например:

– gentle tale of love and languishment («*Who is more happy, when, with heart's content, // Fatigued he sinks into some pleasant lair // Of wavy grass, and reads a debonair // And gentle tale of love and languishment?*»);

– «*Tis very sweet to look into the fair // And open face of Heaven*»;

– «*Thou still unravished bride of quietness, // Thou foster child of silence and slow time*»;

2) имя собственное: N prop. + N. Например:

– «*Physician Nature! Let my spirit bleed! // O ease my heart of verse and let me rest*».

– «*Surely the mind of man is closely bound // In some black spell; seeing that each one tears // Himself from fireside joys, and Lydian airs, // And converse high of those with glory crowned*».

Интересна модель эпитета, где определение и определяемое меняются местами. И. Р. Гальперин [21] называет этот структурный тип «reversed epithet». «Reversed epithet» состоит из двух существительных, объединенных в of-phrase, причем субъективно-оценочный, эмоциональный или образный элемент заключен не в определяющем, а в определяемом существительном.

N attr. + of + a + N.

Например: *the placid features of a human face; fair creature of an hour; this mortal body of a thousand days; the simple worship of a day; a shadow of a magnitude (about sun)*.

По данным Большого Оксфордского словаря [19] отдельные примеры таких конструкций появились в поздненовоанглийский период (XVIII в.). Как и любой другой стилистический прием, эпитет данного типа может быть оригинальным, свежим (речевым) и стертым (языковым) [21, с. 154]. По нашему мнению, вышеперечисленные конструкции типа «*the placid features of a human face*»; «*the simple worship of a day*» и т.д. являются речевыми, оригинальными эпитетами, созданными Дж. Китсом специально для данного произведения на основе имеющейся в языке модели стилистического приема. Другим интересным явлением является функционирование в качестве эпитетов словосочетаний и целых предложений, стягиваемых в одно слово с помощью дефисов, так называемых hyphenated phrases. Одни исследователи называют их атрибутивными группами [15], другие – несвободными [11] или компактными [14] словосочетаниями, третьи предлагают термин конструктивно-замкнутые словосочетания [5; 2]. Но все ученые сходятся в трактовке при-

чин возникновения и существования таких словосочетаний в английском языке. Все объясняют это явление потребностью аккумулировать как можно больший объем информации в одной языковой единице и возможностью реализовать эту потребность благодаря упрочению связей между словами в условиях аналитического строя английского языка. Компактные словосочетания могут выступать в роли разных членов предложения (дополнения, обстоятельства), но чаще всего они употребляются в функции определения и в таких случаях часто являются эпитетами. И. Р. Гальперин предлагает для этого структурного типа термин фразовый эпитет (phrase epithet). [21]

Фразовый эпитет может быть выражен словосочетаниями различной структуры. Простейший тип фразового эпитета – двучленное частично замкнутое определение.

Модель IV. Phrase + N:

1) «*Ah, desperate mortal! I even dared to press // Her very cheek against my crowned lip, // And at that moment, felt my body dip // Into a warmer air: a moment more // Our feet were soft in flowers. There was store // Of newest joys upon that alp. Sometimes // A scent of violets, and blossoming limes, // Loitered around us; then of honey cell, // Made delicate from all white-flower bells*».

2) «*Mark me, Peona! ' that sometimes it brought // Faint fare-thee-wells, and sigh-shrilled adieus!*»

Эти примеры – из поэмы «Endymion». Вот еще один пример из баллады «La Belle Dame Sans Merci»: «thee (ты) – knight-at-arms» (рыцарь)

Фразовый эпитет может быть выражен также предложной конструкцией, предикативным словосочетанием. Фразовым эпитетом может стать и стянутая с помощью дефисов в сложное слово фразеологическая единица, но у Дж. Китса с такими примерами встретиться не пришлось. Лингвистическая природа фразового эпитета такова, что эпитеты этого структурного типа почти всегда являются речевыми, созданными специально для данного контекста, на данный случай. Необходимость создать фразовый эпитет возникает, когда появляется потребность точно определить признак, для обозначения которого в языке нет отдельного слова [21].

В следующей модели эпитета выражен наречием при прилагательном:

Мод. V. Adv. + A

Например: «*sprightly downward wheel*». Эта модель эпитета встречается у Дж. Китса очень редко. Считается, что самой редкой, но весьма выразительной моделью эпитета в языке художествен-

ной литературы является модель, в которой эпитет выражен прилагательным в постпозиции. Стилистический эффект постпозитивного эпитета определяется непривычностью позиции прилагательного после определяемого им существительного.

Мод. VI. N + A

Например: *my lady bright, incense sweet, remembrance dear; a delight more true, darkness visible*. У Дж. Китса таких примеров очень много. Очевидно, это можно объяснить тем, что, в отличие от прозы, поэтический стиль пользуется большей свободой. Здесь так называемые «вольности» встречаются чаще, чем в прозаических произведениях. Кроме того, мне кажется, что примеры такого рода подчеркивают легкость, красоту, плавность стиха. Они дают читателю понять чувства поэта, его мысли, эмоции. Приведенные выше примеры позволяют не согласиться с мнением, что «the vocabulary used by the poet is simple, deliberately devoid of archaisms and poetisms to suit the main idea and the tone of the poems. The epithets – also simple» [24]. Проанализированный материал показал всю несостоятельность этого вывода.

Анализ дистрибуции эпитета в предложении также позволяет выделить ряд моделей, которые называются дистрибутивными моделями эпитета.

I. Парные эпитеты:

1) без союзной связи: *old shadowy sound, chill dreaming nights, soft fallen mask*;

2) связанные союзом and: *vexed and tired eyeballs*;

3) парные эпитеты в постпозиции: *a ruin dark and gloomy*.

II. Цепочки эпитетов:

1) 3 и более эпитетов без союзной связи: *a few, sad, last gray hairs; a high, great, good, healing feeling*;

2) 3 и более эпитетов с союзом «and»: *that warm, white lucent, and million-pleasured breast*;

3) цепочка эпитетов в постпозиции: *rank-grown forests, frosted, black, and blind*.

Эпитет, усиленный наречием (эпитетом к эпитету): *gently whispering noise*.

Наиболее сложной является классификация эпитетов по семантическому принципу. Ассоциированные эпитеты называют признаком предмета, присущий ему по самой его природе. Употребляя ассоциированный эпитет, автор выбирает из многих признаков, присущих предмету или явлению, тот, что представляется ему наиболее существенным, выдвигает его на первый план, привлекая к нему внимание читателя и отражая в самом выборе того или иного признака свое

субъективное отношение к предмету, например: *brilliant queen, warm love, starved lips, soft hand, warm breath, sweet voice, cold star, wretched home, wretched life, sweet tears, careful fingers*.

Неассоциированный эпитет называет признак, не присущий предмету внутренне, а привлечен автором из какой-то другой сферы на основании внешнего или внутреннего сходства. Например: *'my pulse is warm with thine old Barley-bree' (с. 260); 'yet can I think of thee till thought is blind' (с. 260); flowery tale; frozen time; happy hour; happy tree; mortal speech*.

Семантика неассоциированного эпитета обычно раскрывается в контексте. Анализ смыслового содержания неассоциированных эпитетов позволяет разделить их на две большие группы – образные, т.е. такие, в основе которых лежит какой-либо зрительный, звуковой образ, и безобразные. Образные эпитеты тоже можно разделить на несколько групп в зависимости от того, какой семантический процесс лежит в их основе:

1. Метафорические эпитеты (наиболее многочисленная и богатая по содержанию группа): *dragon world, fog-born elf, violet beds, golden-tongued Romance*.

2. Сравнительные эпитеты. По морфологическому выражению сравнительные эпитеты представляют собой сложные прилагательные со вторым элементом – like. Сравнительные эпитеты отличаются яркой образностью. Чаще всего они создают зрительные или слуховые образы и выражают субъективное авторское восприятие того или иного предмета или явления и его отношение к нему. Например: *priest-like task, godlike hardship*.

3. Олицетворяющие или персонифицирующие эпитеты, основанные на приписывании неодушевленному предметом свойств и признаков живых существ. Они обладают большой образной силой и оказывают сильное семантическое воздействие на определяемые ими слова. Например: *blind thought, happy tree, sad hair, happy bough, high-sorrowful heart*.

4. Синестетические эпитеты, основанные на синестезии. Синестезия – это явление, состоящее в том, что «раздражитель, действуя на соответствующий орган чувств, вызывает не только ощущение, специфичное для данного органа чувств, но одновременно еще и добавочное ощущение, характерное для другого органа чувств» [3, с. 136]. Психологи объясняют это явление приспособлением человека к окружающему его миру [10]. Наиболее частым проявлением синестезии является «цветной слух», т.е. определенные зри-

тельные (цветовые) представления, возникающие при восприятии тех или иных звуков. Со времен романтизма, когда устанавливается связь литературы, живописи и музыки [17], цвето-звуковые соответствия приобретают в языке художественной литературы особое значение, проявляясь в синестетических метафорах и эпитетах. Специфика семантики синестетического эпитета состоит в переносе качеств и признаков, воспринимаемых одними органами чувств, на предметы и явления, которые по своей природе не могут восприниматься этими органами чувств, а, значит, не могут сочетаться с прилагательными, выражающими эти признаки. Необычность сочетания, порожденного индивидуальным авторским восприятием мира создает образ, воспринимаемый тем ярче, чем своеобразнее употребленное автором сочетание. Например: *icy silence, dark conspiracy, cold beauty, warm pulse, frozen time, green altar, cold Pastoral, embalmed darkness, verdurous glooms*.

5. Аллитерирующие эпитеты. Такие эпитеты, основанные на звуковом повторе (чаще всего повторяется начальный звук), создают звуковую образность, рождают ассоциации звуко-символического характера. Например: *pleasant pain, social smile, wide world, still stream, sweet sonnet, fair face, faded flower*.

У Дж. Китса удивительно пластическое чувство слова. Он ощущает образ как пространство, которое предстоит замкнуть совершенной формой. И в то же время замкнутое – оно беспредельно. Море остается морем, когда его волны бьют в отточенные грани сонетной формы:

*«It keeps eternal whisperings around
Desolate shores, and with its mighty swell
Gluts twice ten thousand caverns, till the spell
Of Hecate leaves them their old shadowy sound.
Often 'tis in such gentle temper found,
That scarcely will the very smallest shell
Be moved for days from where it sometime fell,
When last the winds of Heaven were unbound.
Oh ye! who have your eyeballs vexed and tired,
Feast them upon the wideness of the Sea;
Oh ye! Whose ears are dinned with uproar rude,
Or fed too much with cloying melody –
Sit ye near some old cavern's mouth and brood
Until ye start, as if the sea-nymphs quired!» (p.90.
Sonnet «On the Sea»).*

Анализ семантики безобразных эпитетов позволяет выделить внутри них несколько групп:

1) «перенесенные» эпитеты. Особенность перенесенного эпитета в том, что прилагательное,

выступающее обычно в роли логического определения к одушевленному предмету, употребляется в сочетании с неодушевленным предметом. Например: *weak spirit, dead leaves, busy flames*;

2) в особую группу Л. А. Турсунова объединяет эпитеты, значение которых прямо противоположно значению определяемых ими слов. Это явление получило в стилистике статус отдельного стилистического приема – оксюморона. Этот прием – особая разновидность эпитета, называемая оксюморонным эпитетом. Оксюморонный эпитет обладает действенным эмоциональным зарядом, является ярким выразителем субъективной оценки автором тех или иных предметов и явлений. Напр.: *pleasant pain, sweet noise, sweet unrest, still stream, easeful Death*;

3) другой тип семантических отношений связывает определение и определяемое в группе гиперболических эпитетов. Гиперболический эпитет преувеличивает признак предмета, с целью выделить сторону предмета, вызывающую эмоциональную реакцию автора. Авторумышленно преувеличивает этот признак, и читатель знает об этом. С такими примерами у Китса встретиться не пришлось. Поэт не преувеличивает, а часто преуменьшает какой-либо признак предмета. Например: *gently whispering noise, sweet noise*. Примеры таких эпитетов в данной классификации не отмечены;

4) в языке художественной литературы встречается особый тип эпитета, в основе которого лежит антономасия (antonomasia). С точки зрения морфологического выражения антономасийный эпитет представляет собой либо существительное (имя собственное, получившее нарицательное значение в результате абстрагирования какой-либо черты исторического лица или литературного героя), либо прилагательное, образованное от такого существительного, например:

– ‘Phabe’s sapphire-regioned star’;
– ‘twas even an awful shine // From the exaltation of Apollo’s bow’;
– ‘Hesperian shine’;
– ‘fair-haired Milton’s eloquent distress’.

Такие примеры встречаются у Дж. Китса часто. Это легко объяснимо. Друг Дж. Китса (сын его первого школьного учителя) Чарльз Кауден Кларк (Charles Cowden Clarke) так писал о характере поэта: «Keats was a favourite in the school. He was bright and studious, fond of history, music and literature, and fascinated by classical mythology». Позднее, Дж. Китс снова обращается к мифологическому сюжету. В 1818 году написана поэма «Endymion» – гимн вечной красоте,

романс, в основе которого – миф о любви пастуха к Диане, богине луны. Диана (римск.) – греч. Артемида; богиня, получившая название божества трех дорог: на небе – Луна (Селена, Цинтия); на земле – охотница; под землей – богиня мрака, черной магии, Геката. В позднеримской литературе распространен миф о ее любви к прекрасному юноше Эндимиону (греч., римск.), жившему на склоне горы Латмос. Его полюбила Диана, но целомудрие Эндимиона было так велико, что только по ночам богиня могла видеть его красоту; Юпитер даровал ему вечную юность. Постепенно его образ стал восприниматься как образ философа или астронома, созерцающего ночное небо. Идея поэмы в том, что все люди, к каким бы слоям общества они ни принадлежали, имеют право восхищаться красотой, любить, быть счастливыми. Дж. Китс работает много, напряженно. Снова поэма на мифологический сюжет – «Гиперион». В предшествовавшем «Эндимионе» – миф любви и красоты, теперь – миф о борьбе: Аполлон приходит занять место последнего из титанов – Гипериона, фигуру мрачную и трагическую. Прекрасное рождается из духа трагедии. Работа над поэмой далеко продвинулась, но к началу следующего года, после смерти брата, Дж. Китс оставляет ее. Потом он вернется к этому сюжету: второй вариант «Падение Гипериона» останется незавершенным. В новой попытке возникает важный сюжетный ход. Теперь мифологические события излагаются не с безличной эпической объективностью; появляется рассказчик – Монета, дочь богини Мнемозины, и слушатель – человек, для которого все услышанное звучит вещим сном. Так обозначено намерение сдвинуть акцент с изложения событий на их восприятие. Вот примеры антономасийного эпитета из поэмы «Падение Гипериона»: «*Onward I looked beneath the gloomy boughs, // And saw, what first I thought an image huge, // Like to the image pedestaled so high // In Saturn's temple. Then Moneta's voice // Came brief upon mine ear 'So Saturn sat // When he had lost his realms'...*».

«Ода Психее» – еще одно произведение Дж. Китса с мифологическим сюжетом в основе. Согласно греческой и римской мифологии, Психея – нимфа, которую полюбил Амур. Они уединились в пещере, покинув мир, чем вызвали гнев его матери – Венеры; богиня погубила нимфу, но Юпитер, по просьбе Амура, даровал ей бессмертие. Психея стала воплощением человеческой души в образе бабочки. И здесь есть примеры антономасийного эпитета: «*O latest born and loveliest vision far, // Of all Olympus' faded*

hierarchy! // Fairer than Phoebe's sapphire-regioned star, // Or Vesper, amorous glowworm of the sky; // Fairer than these, though temple thou hast none, // Nor altar heaped with flowers; // Nor virgin choir to make delicious moan // Upon the midnight hours; // Nor voice, no lute, no pipe, no incense sweet // From chain-swing censer teeming; Nor shrine, no grove, no oracle, no heat // Of pale-mouthed prophet dreaming».

Поэзия Китса относится к периоду романтизма в английской художественной литературе, известному благодаря таким поэтам как Байрон, Шелли, Вордсворт. Хотя восприятие жизни у каждого из них сугубо индивидуальное, доминирующим мотивом у романтиков является природа (Nature). Вордсворт «офилософствовал» природу, Китс воспел ее красоту; у Байрона природа – спасение от социальной несправедливости, у Шелли – средство для аллегорического выражения социального зла и предвестий революционных бурь: «С готовностью подчиняя себя высшей цели – поэзии, Китс гораздо более сдержан и осторожен, когда речь заходит о подчинении самой поэзии каким бы то ни было целям. Он не разделяет энтузиазма, с которым Шелли провозглашает поэзию общественно значимой – через приобщение людей к красоте. Для Китса (совсем по-пушкински) цель поэзии – поэзия. Но разве это не тезис чистого искусства?» [6, с. 9]. Мечты уходят с человеком, прекрасное же остается. Красота нетленна и поэтому спасительна для причастившегося ей. Такую эстетическую веру проповедует Дж. Китс: «*Beauty is truth, truth beauty – that is all // Ye know on earth, all ye need to know*». Одно входит в другое и не существует иначе, чем в этом взаимопроникновении.

Выводы и предложения. Проведенный анализ языкового материала и результаты системного описания эпитетов позволяют сделать вывод, что эпитет является важным элементом в художественном стиле автора и выражением его видения красоты. У Дж. Китса удивительно пластичное чувство слова. Проанализированный материал позволяет не согласиться с утверждением, что «the vocabulary used by the poet is simple, deliberately devoid of archaisms and poetisms to suit the main idea and the tone of the poems. The epithets – also simple» [24]. Проведенное исследование показало всю несостоятельность этого вывода. Полученные результаты являются перспективными для углубленного изучения эпитетов в системе других тропов, всестороннего семантического анализа с целью более глубокого понимания закономерностей языковой картины мира.

Список літератури:

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Ленинград : Просвещение, 1981. 295 с.
2. Бакурская М. А. Слово сочетание в функции препозитивного определения. *Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена*. Ленинград, 1965. Т. 261. С. 17–27.
3. Большая советская энциклопедия : в 51 т. Москва, 1956. Т. 39. С. 136.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Москва : Высшая школа, 1989. 405 с.
5. Витоните И. П. Сочетание слов в функции препозитивного определения и вопрос об их лексикализации. *Ученые записки Ленинградского государственного университета*. Ленинград, 1959. № 253. Вып. 45. С. 35–49.
6. Китс Дж. Стихотворения и поэмы. Пер. с англ. Москва : Художественная литература, 1989. 320 с.
7. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Ленинград : Наука (Ленинградское отделение), 1977. 404 с.
8. Зводская Т. Ф. Универсум поэта и проблемы метафоры. *Вопросы диалектики и языкознания*. Омск, 1971. С. 20–28.
9. Квятковский А. П. Поэтический словарь. Москва : Советская энциклопедия, 1966. С. 359.
10. Кравков С. В. Взаимодействие органов чувств. Москва ; Ленинград, 1948. С. 107.
11. Левинбук П. Р. Английские атрибутивные сочетания, содержащие препозитивно преобладающее определение. *Ученые записки Московского государственного педагогического института иностранных языков*. Москва, 1957. Т. 15. С. 188.
12. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. Москва : Издательство иностранной литературы, 1960. 436 с.
13. Мезенин С. М. Образные средства языка. Москва, 1984. 163 с.
14. Мизак А. А. Субстантивные словосочетания с препозитивным атрибутом в английском языке и соответствующие конструкции в украинском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.663. Киев, 1969. 16 с.
15. Мухин А. М. О категории падежа в современном английском языке. *Вопросы языкознания*. 1957. № 2. С. 19–30.
16. Потоцкая Н. П. Стилистика современного французского языка. Москва : Высшая школа, 1974. 247 с.
17. Степанов Ю. С. Французская стилистика. Москва, 1965. 355 с.
18. Турсунова Л. А. К проблеме классификации эпитетов. *Сборник научных трудов Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза*. Москва, 1974. Вып. 75. С. 67–86.
19. Шкарупин В. И. Конструкции типа «a hell of a bother», «a devil of a distance» в английской диалогической речи. *Вопросы общего и романо-германского языкознания*. Уфа, 1965. Вып. 2. С. 19–25.
20. Щепилова Л. В. Введение в литературоведение. 2-е изд. Москва : Высшая школа, 1968. 376 с.
21. Galperin I. R. Stylistics. Moscow, 1971. 313 p.
22. Riesel E., Schendels E. I. Deutsche Stilistic. Moscow, 1975. 460 p.
23. Gittings R. Selected poems and letters of Keats. London : Heinemann Educational Books Ltd, 1966. 199 p.
24. Soshalskaya E. G., Prokhorova V. I. Stylistic Analysis. Moscow : Higher School, 1976. 155 p.
25. The selected Poetry of Keats / ed. by P. de Man. New York, 1966. 352 p.

СТИЛИСТИЧНА РОЛЬ ЕПИТЕТА В ПОЕЗІЇ ДЖОНА КІТСА

У статті проаналізовано особливості вживання епітетів у поетичному тексті Джона Кітса. Отримані дані методом суцільної вибірки сприяють поглибленню знань про характеристики та особливості, що визначають категорію прикметників з функціональним статусом епітета. Автор використовує різноманітні структурні моделі епітетів (включаючи ті, що вважають рідкісними, але дуже виразними в мові художньої літератури, напр. модель, в якій епітет виражено прикметником у постпозиції), які розкривають особливості його сприйняття дійсності.

Ключові слова: епітет, класифікація, модель, природа, міф, романтизм, поезія, Джон Кітс.

STYLISTIC FUNCTION OF EPITHET IN KEATS' POETRY

The article analyses the features of the use of epithets in the poetry of John Keats. The received findings by the method of continuous sampling deepen the knowledge of characteristics and peculiarities, defining the category of adjectives with functional status of epithet. The author uses different structural models of epithets (including those, that are considered to be rare but very eloquent in the language of fiction, e.g. the model, where the epithet is expressed by the adjective in postposition) that uncover the peculiarities of his understanding of reality.

Key words: epithet, classification, model, nature, myth, romanticism, poetry, John Keats.